

ГАЛИНА БИНОВА

К ПРОБЛЕМЕ «ЭРОТИКА И ЛИТЕРАТУРА» В СВЕТЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Проблематика, связанная с местом и художественным воплощением эротики и сексуальности в русской литературной традиции, относится к числу малоизученных, сложных и деликатных. Русская литература о любви гораздо моложе всех литератур мира (кроме, наверно, североамериканской), она начинается с 18-ого века. Общеизвестно, что любовь — одна из главных тем русской литературы, однако одновременно русская традиция считается чрезвычайно целомудренной, даже пуританской, в воплощении плотской любви, в изображении чувственности и телесности. Некоторые суждения категоричны: «Никто не будет отрицать немислимую 'асексуальность' русской литературы; сравнительная бедность ее собственно 'эротического' арсенала — оттого, что ее тема — любовь, а не секс, Эрос, а не эротика.»¹ Или: «Видимо, в самом русском сознании плотской любви отведено культурное подполье.»²

При культурологическом осмыслении проблемы «эротика и литература» закономерно встает вопрос своеобразия национального самосознания — национальной психологии и национального мироощущения в контексте проблемы Восток — Запад. Эти вопросы необходимо учитывать, если мы хотим понять генезис нынешнего российского эротического состояния и его специфическую рефлексию в литературе. Эротические традиции как на Западе, так и в России имеют глубокие корни. В России испокон веков существовала стихия народного и простонародного эроса, т.е. существовала эротическая культура как таковая. И в то же время существовал жесткий запрет на все это. В своем «филогенезе» русская культура прошла этапы строгих сексуальных ограничений, периоды эротического аскетизма. Никакой другой жанр, как эротический, и никакая другая тематика, как эротическая, не встретили в русской литературе столько препятствий.

1 Непомнящий, В.: *С веселым призраком свободы*. «Наш современник», 1993, No. 5, с. 171.

2 Тихомирова, Е.: *Эрос из подполья*. «Знамя», 1992, No. 6, с. 223.

Рядом с политической цензурой до недавнего времени существовала официальная цензура, связанная с эротикой, темой секса, можно сказать, и с темой любви, т.к. тут иногда трудно провести демаркационную границу. Однако не только советская идеология, твердо оборонявшая бастионы целомудрия, нанесла здесь урон. И православное христианство приложило руку к тому, чтобы загнать эротическую культуру в подполье. Кажется, бесспорно: все стороны отношений между людьми, вплоть до интимных могут изображаться таковыми, каковыми они являются взгляду автора или его воображению, искусство имеет полное право описывать не только психологию, но и физиологию любви. Ведь эротическое в человеческом существовании — ничем не заменимый ракурс отображения в литературе и искусстве всей широты реально существующих отношений. Однако русская культурная традиция в этой области весьма оригинальна, сложна и болезненна. На Западе сложился четкий контекст, своего рода «культурная очерченность», по выражению Вик. Ерофеева,³ когда культура есть культура, а жизнь есть жизнь. Русские же каждую проблему проживают болезненно-экзистенциально, превращая ее в некий симбиоз жизни и культуры. Русское сознание развивалось, можно сказать, ввне, то есть для реализации человека ему нужна была реализация в обществе — вплоть до самопожертвования, отдачи себя обществу. Для западного сознания самореализация человеческой жизни происходит внутри — в частной жизни частного человека. Личное преуспевание, личный успех в жизни становятся определяющими, даже получают положительную нравственную санкцию. Отсюда и протестантская этика и другие теории, гласящие, что личное преуспевание есть знак божественности, отмеченности человека божественной милостью. В этой системе ценностей эротика, эротическая сторона жизни становится важным моментом, зафиксированным в человеческом сознании. Отсюда закономерно и естественно внимание литературы к этой стороне жизни, ибо литература дана человеку затем, чтобы лучше осознать себя и свое положение в мире. Так, основная тема Д. Г. Лоуренса, автора романа «Любовник леди Чаттерлей» — попытка самореализации человека в сфере частного бытия, наиболее органичной для воплощения заложенных в нем начал. Ядром индивидуальности такого человека является секс, который мыслится Лоуренсом как последняя из сфер автономии индивидуальности и означает «всю полноту отношений между мужчиной и женщиной». В подавлении инстинктивных сторон индивидуальной жизни человека Лоуренс усматривал неискусимую вину общества перед индивидуумом. По точному выражению Лоуренса, «искусно написанный роман откроет нам самые потаенные уголки нашей чувственной жизни, которые прежде всего должны омыться и очиститься волной чуткого понимания и сочувствия».⁴ Это

3 Ерофеев, В.: *Беседа за круглым столом*. «Иностранная литература», 1991, No. 9, с. 226.

4 Лоуренс, Д. Г.: *Любовник леди Чаттерлей*. «Иностранная литература», 1990, No. 9, с. 63.

К ПРОБЛЕМЕ «ЭРОТИКА И ЛИТЕРАТУРА»
В СВЕТЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

вполне благородная задача, и поэтому эротический роман (т.е. роман, в котором главным объектом внимания является эротическая жизнь героев) оказался жизненным явлением в западной литературе. Здесь надо прежде всего отметить французскую литературу (Рабле, Лафонтен, Парни, Мопассан и др.). И самые смелые сцены у них не коробят нравственного сознания, так что даже Лев Толстой, столь отчаянно отбивавшийся от власти чувственной страсти над человеком, восторженно отозвался о Мопассане.

Если же обратиться к русскому сознанию, то в этом плане интересно предположение Г. Гачева, что «сексуальное чувство в России не обладает такой силой и интенсивностью, чтобы весь Эрос мог в нем хотя бы на время сосредоточиться ... другие виды Эроса: любовь сердца, творческого духа имеют больший удельный вес в его составе».⁵ Недостаток чувственности у русских объясняется своеобразием природно-космических условий, то есть климат, по Гачеву, определяет тип психики и сенситивность. (Вспомним, у Пушкина в отрывке о белых ночах рассуждают: почему в России дурное пространство для любви? Оказывается, потому, что зимние ночи слишком холодны, а летние — слишком светлы.) Так или иначе, бесспорен факт, что русская литература более душевно-психологична, чем телесна. Для русского сознания и, собственно, для русской литературы эротическая сторона жизни проходила преимущественно или в форме сублимации, или же сознание вообще проскакивает ее, ища за ней нечто более глубокое, то, что, может быть, никогда и не найдешь, но не стремиться к этому невозможно. Это либо разгадка тайны женственности, либо поиск той половины, что предназначена тебе Промыслом. В русской литературе сублимированные, превращенные формы секса чрезвычайно развиты. В качестве классического примера такой сублимации можно привести сны Татьяны в «Евгении Онегине». Перед нами не реальное страстное событие (универсальная структура страстного действия — разгорание, движение, кульминация, гибель), а сон, мечта о нем, выраженная причудливой игрой духа и фантазии. Секс вгнездился в это целомудренное слово русской поэзии, но представлен здесь в высшей степени косвенно — богатством чувства, игрой духа, которые он питает. У Толстого высокое, нравственное чувство противостоит физиологии, быту пола. В результате этого подозрительной становится сама чувственная красота — «оголение рук, плеч, груди и обтягивание выставленного зада». В «Крейцеровой сонате» чувствуется смятение при страстных проявлениях отношений между полами. Толстой клеймит женитьбу как безнравственность. Вспоминим, в каком неприглядном виде изображена здесь семейная жизнь, «страшный ад», где попарно скованные, «ненавидящие друг друга колодники» мучаются без срока. Корень зла, по Толстому, в том, что любовь между полами — фатально физиологическая, грубо-природная: «Наш брат все

5 Гачев, Г.: *Русский Эрос*, в: Опыт. Литературно-философский сборник, М., 1990, с. 218.

врет о высоких чувствах — ему нужно только тело...»⁶ По сути дела «Крейцера соната» — первая в России вещь с открыто сексуальным сюжетом, однако секс здесь представлен со знаком минус. Поэтому взамен в повести предлагается аскетический идеал полного целомудрия. Гачев подметил, что в русской классике 19-ого века поэтичен либо «высветленный эрос» (когда мужчина ждет от женщины утешения, успокоения, подобного тому, что дает родина-мать сыра земля), либо неосуществленная любовь.⁷ Поэзия неосуществленной любви превалирует у Тургенева, признанного певца любви, который в передаче интимных состояний героев остается «скрытым» психологом. Героини Достоевского как бы источают любовь с «дистанционным управлением»: удерживают страсть на расстоянии, отталкиваясь от слияния, чтобы перегонять секс в дух. Такова Настасья Филипповна, у которой секс изуродован и попран в корне. Постоянно находясь на краю секса, она всех распяляет, но не отдается. Кстати, и в «Воскресенье» Толстого духовный Эрос воспарил на попранном сексе. К Катюше-ссылной Нехлюдов уже абсолютно не испытывает физического влечения, однако следует за ней — своей умозрительной возлюбленной. Такая ситуация невозможна в другой литературе (де Грие влачится за Манон, продолжая именно страстно любить ее). Реализованная, осуществленная любовь в русской литературе или теряет свою поэзию (вспомним Наташу Ростову в качестве жены Пьера и матери), или перестает, как правило, быть прекрасной, как напр. в романе Чернышевского «Что делать?». Б. Парамонов справедливо отметил, что в этой книге о «кооперативном социализме» выражена, хотя и имплицитно, тема «страстной любви, любви втроем». «А еще точнее будет сказать, что эта книга о мужской несостоятельности перед женщиной: мужчина уступает женщину сопернику, потому что он не способен чувственно ее удовлетворить, и сознает это, и в этом сознании и в готовности удалиться вся его, как сказать, прогрессивность.»⁸ Физическая близость, если она случается в классическом произведении, зачастую представляет собой схватку полов (у Достоевского страстным проявлением любви сопутствует inferнальный, взаимомучительный элемент, Любовь здесь — обоюдное истязание и страдание; у Толстого в «Анне Карениной» половой акт сравнивается с убийством, это стихийное бедствие, после которого жить нельзя, остается только омут, обрыв или рельсы.⁹ Если же человек

6 Толстой, Л. Н.: *Крейцера соната*, в: Собр. соч. в 12 тт., т. 10, М., 1948, с. 18.

7 Гачев, Г.: *Русский Эрос*, в: *Опыты. Литературно-философский сборник*, М., 1990, с. 222.

8 Парамонов, Б.: *Голая королева. Русский нигилизм как культурный проект*. «Звезда», 1995, Но. 6, с. 212.

9 Представляет интерес отношения Розанова к теме любви в русской литературе, которой он посвятил несколько своих специальных статей. Он считал, что отношение писателя к женщине может служить ключом к его творчеству а раскрывает скрытые механизмы его творческого воображения. Во всяком случае из этого феномена он «выводил» демонизм Лермонтова, миф inferнальных образов у Гоголя (у которого,

К ПРОБЛЕМЕ «ЭРОТИКА И ЛИТЕРАТУРА»
В СВЕТЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

оказывается во власти чистой эротики — он просто гибнет, проваливается в какую-то зловонную яму, умирает дух, гаснет личность (вспомним «грубую обнаженность» правды в «Яме» Куприна, которая оставляет только тягостное ощущение, или «темные аллеи» бунинского восприятия мира, в котором неизбежно трагически сожигательствуют смерть и любовь).

Из сказанного ясно, что тема пола, секса в русской культуре редко была в круге тем легких, гедонистических, поэтому не удивительно, что чаще она рассматривалась в рамках более серьезных проблем и аспектов — метафизических, трагических или религиозных. Валерия Нарбикова, автор современных эротических романов, отмечает: «... в 19-ом веке русской литературе до тела не было дела, писателей в основном интересовали отношения между душой и Богом, а не между душой и телом.»¹⁰ Если в художественной практике 19-ого века в творчестве Пушкина и Лермонтова, Гончарова и Тургенева, Толстого и Достоевского складываются своеобразные черты русского Эроса, русского отношения к теме любви, то русская литературная критика и философия 19-ого века в этом отношении чрезвычайно бедна. Более того, художественная критика с необычайной редкостью ополчалась против малейшего элемента чувственности в романах и поэзии, объявляя такую литературу «непристойной», «цинической». Вспомним критические суждения, прозвучавшие 130 лет назад по поводу драмы Островского «Гроза», где есть любовная — вполне целомудренная, на наш сегодняшний взгляд, сцена в овраге, которая страшно смутила критиков. «Эротизм доведен был в комедии 'Воспитанница' и в драме 'Гроза' до самого цинического выражения, — писал журнал 'Современная летопись' в 1865 г. — Самое смелое воображение не могло пойти, казалось бы, дальше по пути изображения человеческих пороков и страстей...» Если говорить о русской литературной критике, то единственным исключением на этом фоне была, пожалуй, статья Чернышевского «Русский человек на Rendez-vous». В ней автор пытается вскрыть странную черту русского характера, особенно отчетливо проявившуюся в романах Гончарова: русский мужчина, где ему надо проявить решительность по отношению к любимой женщине, оказывается нерешительным, медлительным, сомневающимся, он излишне морализирует и в конце-концов готов бежать от женщины, которую любит. Он готов пылко любить, но скорее в мечте, чем в реальности. Очевидно, эта подмеченная Чернышевским особенность русского характера отражается и в русском Эросе. Позднее эту тему развил Н. Бердяев, отмечая «вечно бабье» в русском характере. Розанов аргументировал невнимание русской общественно-философской мысли к вопросам Эроса и пола атеизмом. «Связь пола с Богом, — писал он в своей книге «Уединенное», — большая, чем связь ума с Богом, чем даже связь совести с Богом, — выступает из

как известно, все красавицы — ведьмы или утопленницы), изображение Толстым любви как абсолютной муки или страдания.

того факта, что все а-сексуалисты обнаруживают себя а-теистами. Те самые господа, как Бокль и Спенсер, как Писарев и Белинский, о 'поле' сказавшие не больше слов, чем об Аргентинской республике, очевидно не больше о нем и думавшие, в то же время до того изумительно атеистичны, как бы до них и вокруг них и не было никакой религии.»¹¹ Это утверждение может показаться слишком категоричным, однако очевидно, что в строгой этике русских революционных демократов чувственной природе человека оставалось ничтожно мало места.

Подлинная важность вопроса о поле была осознана русской философской мыслью только в конце 19-ого века, когда этот вопрос «сделался, наравне с другими, проклятыми»¹² и оказался в центре внимания крупнейших мыслителей 20-ого века. За несколько десятилетий в России о любви пишется больше, чем за несколько веков. Отраднo, что ныне эта литература, отличающаяся интенсивностью поисков и оригинальностью мысли, возвращена нам. В отличие от западных философов русские мыслители развивали гуманистическую традицию в понимании природы любви и, обращаясь к сокровенным вопросам пола, связывали сексуальную энергию человека не только с продолжением рода, но и с пониманием духовной культуры — с религией, художественным творчеством, с поиском нравственных ценностей. Концепции русских философов оказали влияние на художественную практику, именно опираясь на философскую мысль можно проследить судьбу русской художественной эротики 20-ого века.

В заключение несколько слов еще об одном немаловажном аспекте, связанном с нашей проблемой. Мы уже отмечали, что в западной литературе наблюдается гораздо бoльшая откровенность и заинтересованность письменного слова эротической тематикой, стремление назвать все своими именами. Что же касается русской литературы, то здесь как раз вставала проблема гладкого, беспрепятственного вхождения этого слоя лексики в привычное словоупотребление. Иначе говоря, в смысле названия сексуального ряда русская традиция также отлична от западной. Вопрос этот связан с традицией культуры и этики. Непристойное как антикультура всегда вызывало у русских аллергическую реакцию. Естественно, что эти ограничения касались и изображения и словесного оформления сферы, связанной с эротической и сексуальной тематикой. Как известно, между русским языком непристойным и языком эротическим существует нерасторжимая связь, ибо русский мат, в отличие напр. от немецкой нецензурной лексики, ориентированной на фекальную сферу, с изумительной изобразительностью и непревзойденным цинизмом эксплуатирует именно секс. Называние предметов и действительности без табуизирования на Западе никакого шока не вызывает. Соответствующие слова воспринимаются лишь как обозначения, а не как ругательства. Это относится и к глаголу, выражающему основное эротическое действие. Разницу между русской и западной традицией можно понять, только беря в расчет гипер-

11 Розанов, В.: *Уединенное*. М., 1990, с. 59.

12 Гиппиус, З.: *Влюбленность*, в: *Русский Эрос, или философия любви в России*, М., 1991, с. 174.

К ПРОБЛЕМЕ «ЭРОТИКА И ЛИТЕРАТУРА»
В СВЕТЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

морализм русской литературной традиции, ее прямолинейный порой нравственный пафос. Б. Огигенин отмечает, что напр. в сочинении Маркиза де Сада вся власть передана слову: «разврат предстает тогда как факт языка, вымышленной речи, которые очень далеки от реальности вне слова, слово создает собственную реальность.»¹³ То есть Маркиз де Сад, подобно Анакреону, мог бы сказать: «Слова мои развратны, но я не таков.» Иначе говоря, слово и реальность не связаны взаимными обязанностями, словами выражен факт эротической фантазии. Однако в русской литературе это принципиально невозможно. Выраженное словами всегда воспринималось не как свободный автономный текст, а как своего рода программа. Из-за смещения слова и вещи, названной непристойным словом, эротические темы были почти невозможны в русском языковом варианте и были изгнаны из высокой, собственно книжной литературы. В результате в русской литературе не существует собственно литературного эротического словаря, как отсутствует и соответствующий литературный этикет, обуславливающий употребление этого словаря, в то время как в западноевропейской традиции возник и стал развиваться особый книжный литературный язык, которым стало возможно говорить о материально-телесном низе человеческого тела и его функциональных проявлениях. Разумеется, то, что не допускалось и было неофициальным в русской литературе, укрепилось и развивалось как особый стиль в фольклоре, где были возможны, как мы уже отмечали, и эротические темы, и обнаженный язык. Есть русская традиция скоморошества и отказа в частушках от всяческих табу. При этом скоморошья песенки и частушки направлены не на переживание, осмысление или более того — смакование эротической стороны жизни. Кроме внешней, смеховой цели, здесь была иная, подсознательная, метафизическая: называя веселым, смеющимся словом (а не со злобой, как в ругательствах) те действия и те части человеческого тела, которые наиболее подвластны воздействию темных сил, дьявола, тем самым выводят из-под этой власти, из сферы запретного на свет. Называние всяческого «срама» как бы расколдовывает его и от него освобождает (К стати в современной литературе наиболее эта скоморошья традиция карнавального называния всего и вся проявляется в творчестве упомянутой В. Нарбиковой.) Нам известны русские сказки, собранные Афанасьевым, но не все, наверно, знают, что даже академическое их издание неполно. На Западе издан добавочный томик. Это записи сказок, услышанных от простонародья в центральных русских губерниях. По щедрости эротической фантазии, по своеобразному сверхреализму сексуальных образов эти сказки не имеют аналогов в мире. А книжная литература расправлялась с этой тематикой наиболее грубым образом. Тема половой любви вместе со словарем запретной темы была одна в значительной степени предоставлена заборной литературе. Щекотливые сцены попросту изгонялись из произведений путем купюр. Достаточно вспомнить судьбу поэта 18-ого

13 Огигенин, Б.: *О русской словесности и поэтике непристойного языка, в: Любовь и эротика в русской литературе 20-ого века*, Берн, 1992, с. 199.

столетия Баркова и его поэму «Лука Мудищев», неизуродованный текст которой вышел в России только в 1992 году. Соответственно посвященную ему поэму Пушкина «Тень Баркова» не встретишь в самом фундаментальном собрании сочинений поэта, ибо в России чрезвычайно укрепились уверенность, что национальному гению не подобает выражаться по-матерну. Русская бумага не выдерживала таких текстов, «усовершенствований» подвергались и Толстой (дневники), и Чехов (письма), и другие классики. Проблема слова и предмета им изображаемого, то есть языкового оформления половой жизни, стояла перед многими писателями, не исключая Толстого. Толстой говорил о предмете половой любви как таковой и его принципиальном исключении из пределов литературы. В той же «Крейцеровой сонате» он пишет: «Во всех романах до подробности описаны портреты героев, пруды, кусты, около которых они ходят; но, описывая их великую любовь к какой-нибудь девице, ничего не пишется о его посещении домов, о горничных, кухарках, чужих женах. Если же и есть такие неприличные романы, то их не дают в руки главное тем, кому нужнее всего это знать — девушкам.»¹⁴ Эротическая тематика привлекает многих значительных авторов первой половины 20-ого века. Назовем хотя бы Ремизова, Замятина, Арцыбашева, Кузмина. Для них характерен околичный (обходной) язык эротических пассажей. Они так и не смогли до конца решить антиномию темы и выражающего ее вульгарного слова и писали свои эротические произведения без использования непечатных слов. Ныне мы являемся свидетелями того, что развитие эротического направления в русской литературе приводит к необходимости широкого использования мата. После десятилетий ханжеских запретов, бесполовой официальной советской культуры происходит резкий поворот от пуританизма к фобии. Но это предмет другого разговора.

K PROBLÉMU EROTIKY A LITERATURY VE SVĚTLE RUSKÉ KLASICKÉ TRADICE

Problematika vztahující se k uměleckému ztvárnění erotiky a sexuality v ruské literární tradici patří k méně prozkoumaným, složitým a delikátním okruhům. Je známo, že láska je jedním z hlavních témat ruské literatury, ale současně se také ví, že ruská tradice je velmi cudná, dokonce puritánská při popisu fyzické stránky partnerských vztahů a smyslnosti vůbec. Ve snaze pochopit odvrát současné ruské literatury od puritánství zabývá se autorka studie národní psychologíí a národním vědomím v kontextu relací Východ — Západ, které do jisté míry předurčily erotický asketismus a hypermoralismus ruské klasické literatury. V ruské kultuře a literatuře nabývá sex převážně sublimační formy. Při líčení fyzického kontaktu partnerů se v dílech klasické ruské literatury často prezentuje infernální element a motivy vzájemného utrpení („srážka pohlaví“). Erotická témata měla v ruské literatuře jen zřídka hedonistické zabarvení, mnohem častěji se vyskytovala v rámci vážných problémů metafyzických nebo náboženských. Až na počátku 20. století se erotická problematika dostává do centra pozornosti významných myslitelů a spisovatelů. Autorka stati ukazuje také na palčivý problém jazykového ztvárnění erotického materiálu v uměleckém díle, které souvisí s tradicemi ruské kultury a etiky.

14 Толстой, Л. Н.: *Крейцера соната*, в: Собр. соч. в 12 тт., т. 10, М., 1948, с. 15.